

Хмыров Михаил Дмитриевич

**Андрей Юрьевич
Боголюбский**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М69

М69 **Михаил Дмитриевич Х.**
Андрей Юрьевич Боголюбский / Хмыров Михаил Дмитриевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 50 с.

ISBN 978-5-521-29208-0

ISBN 978-5-521-29208-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Князь Андрей Юрьевичъ (¹), прозванный Боголюбскимъ по имени имъ же основаннаго г. Боголюбова (²), былъ сынъ суздальскаго, а впослѣдствіи кіевскаго великаго князя Юрія Владиміровича, отъ брака его съ дочерью половецкаго хана Аепы, внукою Осеневою, и по отцу приходился роднымъ внукомъ Владиміру Мономаху. Ни время, ни мѣсто рожденія Боголюбскаго въ точности неизвѣстны. Относительно перваго полагають, что такъ какъ отецъ Андреевъ, князь Юрій, женился въ 1107 г. и до рожденія Андрея уже имѣлъ сына Ростислава, то Андрей долженъ былъ родиться не раньше 1109 и не позже 1112 года, съ чѣмъ согласуются и расчеты нѣкоторыхъ исторически-вѣрныхъ событій въ разные годы жизни Андреевой, и свидѣтельство Татищева, что Андрей умеръ въ 1174 г.—по однимъ извѣстіямъ на 63, а по другимъ на 65 году отъ роду (³). Что касается вопроса о мѣстѣ рожденія Андрея Боголюбскаго, то

(¹) Есть извѣстіе, что до крещенія своего (?) Андрей Юрьевичъ назывался *Китаемъ*.—См. Синописи или краткое описаніе отъ различныхъ лѣтописцевъ о началѣ славянскаго народа и проч., изд. 1762 г. с. 107.

(²) Теперь монастырь, въ 10 в. отъ губернскаго города Владиміра на Клязьмѣ.

(³) Исторія Россійская и проч., собранная и описанная В. Н. Татищевымъ, изд. 1768—1784 г. ч. III, прим. 513.

мѣстомъ этимъ почти всѣ признають Русь сѣверную, и пменно землю Ростовско-Суздальскую, гдѣ въ эпоху 1100—1112 г., по всей вѣроятности, уже княжилъ отецъ Андреевъ, котораго дѣдъ, Владиміръ Мономахъ, княжившій тогда въ Переяславѣ, не сталъ бы держать при себѣ какъ сына взрослого и женатаго ⁽⁴⁾.

Но гдѣ бы ни родился Андрей Боголюбскій, дѣтство и молодость его протекли, безспорно, въ Руси сѣверной, очевидная привязанность къ которой пробивается во всей жизни Андрея, постоянно вѣрнаго тѣмъ убѣжденіямъ и воззрѣніямъ, какія господствовали на сѣверѣ, а не на югѣ тогдашней Руси. Въ чемъ состояли эти убѣжденія и воззрѣнія—объяснится въ своемъ мѣстѣ; но при какихъ именно обстоятельствахъ слагались тѣ и другія въ самомъ Андрее — прослѣдить трудно, потому что событія жизни Андреевой рѣшительно неизвѣстны, по-крайней-мѣрѣ до 1145—1146 г., когда Андрей, человѣкъ уже лѣтъ за 30, впервые достойно выступаетъ на поприще историческаго дѣйствія и, по приказу отца, идетъ съ старшимъ братомъ своимъ на князя Ростислава Ярославича Рязанскаго, который, вслѣдствіе этого, бѣжить изъ Ря-

(4) Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, С. Соловьева, изд. 1847 г., с. 215.

зани къ половцамъ ⁽⁵⁾. Стало быть, жизнь Андрееву до 1145 — 1146 г., по необходимости, должно представлять себѣ не болѣе какъ въ общихъ чертахъ княжескаго быта того времени, который, сколько намъ извѣстно, состоялъ въ томъ, что ребенка-бняжича достигнувшаго 5-ти-лѣтняго возраста, торжественно постригали и сажали на коня, что называлось *постригомъ*; потомъ учили его кое-чему и преимущественно разумѣнію св. писанія; затѣмъ, подроставшій княжичъ — уже за-урядъ съ взрослыми — ѣздилъ на охоту, участвовалъ въ бояхъ; случалось даже, что вокняжался на столѣ того или другаго города; наконецъ, юношею вступалъ въ бракъ, обыкновенно съ невѣстою лѣтъ 12-ти, и обзаведясь, по образу и подобию предковъ своихъ, собственною семьею, считалъ за собою, по тому же образу и подобию, неотъемлемое право тягаться съ родичами будто бы за родовое старшинство, на самомъ же дѣлѣ — за города и волости. Понятно, что подобныя бытовые черты касались болѣе или менѣе близко и до-историческаго періода жизни Андреевой. А потому, не распространяясь объ этомъ періодѣ, остановимся нѣсколько на одномъ моментѣ его, именно на женитьбѣ кн. Боголюб-

(5) Воскресенская лѣтопись относитъ это событіе къ 1145 году (См. изд. 1793 г., ч. I, с. 24 — 25); Ипатьевская — къ 1146 г. (с. 29).

скаго, извѣстія о которой, встрѣчающіяся не въ лѣтописяхъ, а въ разныхъ древнихъ сборникахъ, какъ-то странно перепутываются сказаніями о зачалѣ Москвы, тоже, въ свою очередь, не проверенными строгою историческою критикою. Татищевъ, имѣвшій въ рукахъ утраченные теперь матеріалы, относитъ основаніе Москвы къ 1147 г. и признавая основателемъ ея отца Андреева, Юрія, воевавшего тогда съ Кіевомъ и Новгородомъ, рассказываетъ обстоятельства женитьбы Андреевой такъ: «Юрій хотя имѣлъ княгиню любви достойную, и ее любилъ, но при томъ многихъ женъ, подданныхъ своихъ, часто навѣщалъ, и съ ними болѣе нежели со княгинею веселился, ночи сквозъ на скомонѣхъ (музыка) проигрывая и ція препроводилъ, чемъ многіе вельможи его оскорблялись, а младые, послѣдую болѣе своему уму, нежели благочестному старѣйшихъ наставленію, въ томъ ему совѣтомъ и дѣломъ служили.... Жена суздальскаго тысяцкаго Кучка наиболѣе имъ владѣла, и онъ все по ея хотѣнію дѣлалъ. Когда же Юрій пошелъ къ Торжку, Кучка, не могши поношенія отъ людей терпѣть, ни на оныхъ Юрію жаловаться, вѣдая, что правду говорили, болѣе же княгинею возмущенъ, не пошелъ со Юріемъ, и отъѣхавъ въ свое село, взялъ жену съ собою, гдѣ ее посади въ заключеніе, намѣрился уйти ко Ізяславу въ Кіевъ. Юрій, увѣдавъ о томъ,

что Кучко жену посадилъ въ заточеніе, оставя войско безъ всякаго опредѣленія, самъ съ великою яростію наскоро ѣхалъ съ малыми людьми на рѣку Москву, гдѣ Кучко жилъ, и пришедъ не испытя ни о чемъ, Кучка тотчасъ убилъ, а дочь его взявъ за сына своего Андрея, полюбя же вельми мѣсто то, заложилъ градъ и пребылъ тутъ строя, доколѣ бракъ Андреевъ свершилъ. Для онаго веселія звалъ къ себѣ Святослава и со сыномъ его Олгомъ; онъ же не отрицаяся пріѣхалъ, и съ собою привезъ Владиміра Святославича, а Олегъ, сынъ Святославль, напередъ пріѣхалъ, его же Юрій одарилъ и далъ ему пардуса. Потомъ пріѣхалъ Святославъ и принятъ съ великою любовію и честію, и соверша при нпхъ бракъ съ великимъ торжествомъ празднуя 5 дней»⁽⁶⁾. Въ частностяхъ, касающихся исключительно Москвы, приведенный нами рассказъ Татищева отчасти подтверждается и другими источниками, напримѣръ Воскресенскою лѣтописью⁽⁷⁾. Не подлежитъ также сомнѣнію и другое показаніе Татищева, что жена Андрея, даже именуемая нѣкоторыми *Умтою*, принадлежала къ семьѣ суздальскаго боярина Кучко: «Это извѣстіе достовѣрно, говоритъ Погодинъ, и мы его

(6) Ист. Рос. В. Татищева. II, 300.

(7) Полн. собр. Рус. лѣтоп. т. IX, с. 172.

принимаетъ, потому что оно согласно съ историческими вѣрными данными»⁽⁸⁾. Но въ первый или во второй разъ женился, по разсказу Татищева, Андрей, которому въ 1147 г. было далеко за 30 лѣтъ, тогда какъ князья вступали въ бракъ юношами,— изъ самаго разсказа не видно; вопросъ же о томъ, точно ли въ Москвѣ праздновалась свадьба Андрея съ Кучковною, вѣроятно навсегда останется вопросомъ. Замѣтимъ только, что связь судьбы Андреевой съ Кучковичами и по нимъ съ начальною судьбою Москвы до-сихъ-поръ остается неразрывною, по-крайней-мѣрѣ, въ мѣстныхъ преданіяхъ и сказаніяхъ народныхъ»⁽⁹⁾, а это—обстоятельство важное, которымъ не можетъ пренебречь даже строгая историческая критика.

Стало быть, эпоху 1145—1147 г. слѣдуетъ признать начальною эпохою исторически-извѣстныхъ событій жизни Андрея Боголюбскаго, который съ этого времени уже не сходитъ съ лѣтописной сцены и въ ожиданіи возможности дѣйствовать самостоятельно, постоянно принимаетъ участіе во всѣхъ

(8) «Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій», М. Погодина. См. Журналъ Минист. Нар. Просв. 1849. Сентябрь. Отд. II, с. 150.

(9) «Мѣстныя сказанія владимірскія, московскія и новгородскія» О. Буслаева. См. Лѣтописи Русской Литературы и Древности, И. Тихонравова, изд. 1862, т. IV, с. 3—24.

военныхъ и политическихъ предпріятіяхъ отца своего, Юрія суздальскаго. А такъ какъ всѣ военныя и политическія предпріятія послѣдняго почти исключительно ограничивались южною Русью, или Русью собственно, съ которою Юрія, уроженца южно-русскаго, не переставали связывать и нестарѣющія воспоминанія дѣтства и незасыпавшія надежды сѣсть раньше или позже на столѣ кіевскомѣ, то эта же южная Русь необходимо должна была стать раньше или позже и ратнымъ поприщемъ сыновей Юрьевыхъ. Подобную роль въ отношеніи къ Андрею южная Русь начала играть не ранѣе какъ съ 1149 г., когда Юрій, потерявшій къ этому времени всѣхъ старшихъ братьевъ своихъ, кромѣ Вячеслава, и уже три года нетерпѣливо слѣдившій борьбу за кіевскій столѣ Ольговичей черниговскихъ съ Мстиславичами волынскими, увидѣлъ, наконецъ, на кіевскомъ столѣ представителя послѣднихъ — Изяслава и, желая дѣломъ заявить этому племяннику свои права дяди, а вмѣстѣ и наказавъ Изяслава и за подсылку новгородцевъ пустошить границы суздальскія, и за изгнаніе изъ южной Руси сына Юріева, Ростислава, княжившаго въ Переяславѣ, — двинулъ къ Кіеву всю рать суздальскую, подкрѣпленную дружинами Святослава Ольговича, который, въ свою очередь, шелъ отомщать Изяславу смерть брата своего Иго-

ря, безчеловѣчно умерщвленнаго кїевлянами, — въ чемъ, замѣтимъ мимоходомъ, Изяславъ виновать не былъ. По вступленіи въ предѣлы южной Руси, теперь впервые увидѣнной Андреемъ, полки Юріевы и Святославовы сошлись съ полками Изяславовыми подъ Переяславомъ, у с. Янчина, — и здѣсь, начальствуя съ братомъ Ростиславомъ правымъ крыломъ полковъ отцовыхъ, Андрей участвовалъ въ кровавой сѣчѣ 25 августа 1149 г., доставившей Юрію и побѣду надъ Изяславомъ съ союзниками его Давидовичами Черниговскими, и давно желанный Юріемъ столъ кїевскій. Потомъ, когда Юрій, въ качествѣ великаго князя кїевского, началъ раздавать сыновьямъ своимъ окрестные удѣлы, Андрею Юрьевичу достался Вышгородъ, — нынѣшнее село, въ 7 в. выше Кіева. Однако, посидѣвъ тутъ очень недолго, Андрей, въ силу новаго ряда Юріева съ Вячеславомъ, долженъ былъ передать Вышгородъ Вячеславу, а самъ пошелъ съ отцомъ на Воынь, куда Юрій рѣшился преслѣдовать разбитаго имъ Изяслава, которому собирались помочь венгры. Въ этомъ походѣ, облегченномъ для Юрія несостоявшимися сборами венгровъ, Андрей, вмѣстѣ съ братомъ предводительствовавшій передовымъ полкомъ, нашелъ случаи выказать и стойкое мужество и блестящую храбрость. Такъ, въ моментъ неожиданнаго бѣгства союзныхъ Юрію половцевъ съ

почлега у м. Муравиць (между Дубномъ и Луцкомъ), Андрей не испугался происшедшаго всполоха и не бросился назадъ, какъ сдѣлалъ братъ его, но спокойно стоялъ на мѣстѣ, не смотря на доводы дружины, говорившей ему: «поѣди, княже, прочь; аже ли доживемъ сорома?» и отъѣхалъ къ брату не ранѣе какъ на разсвѣтѣ, когда убѣдился въ чемъ дѣло и понялъ, что враговъ никого нѣтъ, а одному ему дѣлать нечего. Когда же братья, шедшіе отъ Дубно разными дорогами, стали приближаться къ Луцку, куда, съ другой стороны, подходилъ и самъ Юрій, то Андрей, замѣтивъ, что отрядъ луцкихъ пѣшцевъ, дѣлавшій вылазку изъ города, можетъ быть отрѣзанъ, стремительно бросился съ дружиною на этотъ отрядъ, настигъ его, изломалъ конье въ первомъ супротивнѣ, заставилъ пѣшцевъ спастись по греблѣ въ городъ, гнался за ними, въ запальчивости далеко опередилъ дружину всего съ двумя отроками и «объступленъ бысть ратьными, говоритъ лѣтописецъ; и гнаста по немъ, ятъ бо бѣ двѣма копіема подъ нимъ конь, а третьимъ въ переднѣй лукъ сѣделный, а съ города яко дождь каменіе метяху нанъ; единъ же отъ нѣмчичь видѣвъ и хотѣ просунути рогатиною, но Богъ сблюде и» ⁽¹⁰⁾. Андрею, подлѣ котораго уже

(10) Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. II, с 47.

палъ одинъ изъ двухъ отроковъ его, дѣйствительно грозила тогда чрезвычайная опасность. Однако сынъ Юріевъ, успѣвъ какъ-то ловко отмахнуться мечомъ отъ рогатины нѣмчика и даже на смерть поразить послѣдняго, успѣлъ въ то же мгновеніе поворотить своего коня—и израненный конь вынесъ князя изъ свалки, домчалъ его къ своимъ, но тутъ же издохъ отъ изнуренія и былъ честно погребенъ признательнымъ Андреемъ на берегу р. Стири⁽¹¹⁾. Лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что храбрость Андрея заслужила тогда Андрею всеобщее одобреніе окружающихъ отца его, которые «похвалу ему даша велику, зане мужьскы створи паче бывшихъ всихъ ту»⁽¹²⁾. Самъ же Андрей, явивъ ратную доблесть свою, не замедлилъ явить и расположеніе къ миролюбію, потому что вмѣстѣ съ Владиміромъ Галицкимъ,—но вопреки желанію брата своего Ростислава и союзника отцова, Юрія Ярославича Муромскаго—просилъ отца уладиться съ Изяславомъ, желавшимъ окончить тягостную для него войну, однако не иначе, какъ подъ условіемъ признанія Вячеслава великимъ княземъ Кіевскимъ и удержанія за собою Владиміра Волынскаго, а также даней

(11) Карамзинъ говоритъ, что Андрей поставилъ надъ могилою коня памятникъ. См. Исторію Государства Россійскаго, Н. Карамзина, изд. 5-е, т. II, с. 143.

(12) Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. II, с. 47.